

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Маргианская археологическая экспедиция

НА ПУТИ ОТКРЫТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди

Труды Маргианской
археологической
экспедиции

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2009

УДК 902/904
ББК 63.4(3)
Н12

Работа издается в рамках проекта РФФИ № 07-06-00062а

Редакционная коллегия:

П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова

Н12 На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди.
Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3 / Ред. П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. — СПб. : Алетейя, 2009. — ??? с., [16] с. ил.

ISBN 978-5-91419-329-1

В издание включены результаты новейших археологических раскопок и изучения музейных коллекций, анализа процессов миграции эпохи бронзы и раннего железного века, антропологические и фаунистические разработки материалов как с территории Средней Азии, так и Евразии в целом. Уделено внимание истории архитектуры, ковроделия, металлургии, а также проблемам охраны, консервации и реставрации памятников.

**УДК 902/904
ББК 63.4(3)**

On the Track of Uncovering a Civilization. A volume in honor of the 80th-anniversary of Victor Sarianidi. Transactions of the Margiana archaeological expedition. Vol. 3 / Eds. P. M. Kozhin, M. F. Kosarev, N. A. Dubova. — SPb. : Aletheia, 2009. — ??? p.

Results of the recent archaeological excavations and studying of museum collections are included in the edition as well as analysis of Bronze and Early Iron Ages migrations, anthropological and faunal researches on the territory of Central Asia, and Eurasia as a whole. The attention on history of architecture, carpets making, metallurgy, and also on problems of protection, preservation and restoration of mud bricks monuments is paid.

ISBN 978-5-91419-329-1

© Коллектив авторов, 2009
© Маргианская археологическая экспедиция, 2009
© Институт этнологии и антропологии РАН, 2009
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
© «Алетейя. Историческая книга», 2009

На пути открытия цивилизации
Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди

Труды Маргианской археологической экспедиции
Том 3

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Корректор *С. И. Семёнова*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 28.12.2009. Формат 70х100 1/6.
Усл. печ. л. ????. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №

- в закрытой топке без контакта с топливом при средних (от 500°C до 800°C) и высоких температурах и (выше 800 °C).

В большинстве случаев (домашние, храмовые жертвенники, свободные жертвенники) животные сжигались целой неосвеженной тушей. В одном зафиксированном случае (лунка № 2 в пом. 42 дворцово-храмового комплекса) кремировалось животное с декапацией. Для устройства «поминальной лунки» сжигались только разделанные части животного (мясные куски). В виде жертвенного животного для устройств лунок использовались в основном разновозрастные особи мелкого рогатого скота (овцы и козы). Только в одном случае в заполнении лунки отмечены остатки черепа крупного рогатого скота (лунка № 1 в пом. 42 дворцово-храмового комплекса). Способ кремации в каждом конкретном случае, по-видимому, не зависел от локализации, размеров, формы и экстерьерных особенностей жертвенника. Нужно отметить, что сами жертвенники периодически переустраивались и обновлялись, а содержимое лунок, возможно, перемещалось из одной лунки в другую. Не исключено, что кости, помещенные в жертвенник, могли использоваться в каких-либо ритуальных действиях.

Литература

- Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Сарияниди В. И. М., 2004. С. 254–281.
- Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно – медицинского эксперта \ В. В. Томилина (Ред.). М., 2000.
- Сарияниди В. И. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарияниди. М., 2004. С. 229–253.
- Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарияниди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии // СА. М., 1977. № 1. С. 203–224.
- Сатаев Р. М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-Депе // Труды Маргианской экспедиции. Т. 2. М., 2008. С. 143–160.
- Steward T. D. Essentials of forensic anthropology. L., 1979.

Н. А. Дубова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОКРОВ ТУРКМЕНИСТАНА В ДРЕВНОСТИ И В НАШИ ДНИ

Словосочетание «антропологический покров» ввел в науку акад. В. П. Алексеев. Его редко используют, хотя мне он представляется очень удачным, ибо позволяет зримо представить себе группы, популяции человека во всем их многообразии, охватывающие (покрывающие) земной шар. Использовать же этот термин в названии статьи, которая подготовлена для издания в честь юбилея выдающегося ученого, яркой личности и большого труженика Виктора Ивановича Сарияниди, меня подтолкнула мысль о том, что моя научная судьба чудесным образом переплетается с путями этих двух известных всему научному миру людей. Но и дороги Виктора Ивановича и Валерия Павловича пересека-

лись неоднократно в самых разнообразных ситуациях. Оба они родились в одном, 1929 г. (правда, один – в Ташкенте, а второй – в Москве), только месяц разделяет даты их рождения (Алексеев родился 22 августа, а Сарияниди 23 сентября). Одни из первых самостоятельных полевых исследований в 1964 г. они проводили вместе – на раскопках ныне столь известного туркменского памятника Геоксюр (где их соратником был П. М. Кожин). Потом они работали на разных территориях (В. П. Алексеев больше внимания уделял Сибири, Кавказу, Европейской части России, а В. И. Сарияниди – всю жизнь проводил исследования в Средней Азии, лишь несколько лет в начале 1960-х раскапывал Бамутские курганы в Чечено-Ингушетии). Они не участвовали в разработке одних тем, но каждый, будучи глубоко заинтересованным и увлеченным в своих научных изысканиях, следили за открытиями и публикациями друг друга. В непростые для обоих 1980-е годы, В. П. Алексеев, будучи уже академиком и директором Института археологии РАН, оказал серьезную поддержку своему давнему соратнику и большому ученому, открытия и достижения которого он высоко ценил.

Благодаря замечательному случаю, в качестве почти «научного туриста» в 2000 г. я оказалась на Гонуре, где в невообразимой красоте песках известный мне ранее только по публикациям легендарный археолог уже отыскал новую цивилизацию. Монументальные стены кремля, масштабность всего памятника, богатство «антропологических сокровищ» (в тот год был уже почти полностью раскопан некрополь Гонура с его почти 3000 погребений), та живость и яркость, с которыми В. И. Сарияниди описывал жизнь древних маргушцев, как будто он сам был ее свидетелем, не могли оставить меня равнодушной. И, получив приглашение на участие в работах в следующем году, отказаться было невозможно. Тогда (да и сейчас, конечно, тоже) мне прежде всего стало почти страшно от того, что такими усилиями собираемый материал, благодаря которому можно разрешить не один спорный вопрос сложения антропологического типа населения Средней Азии, понять, какими путями взаимодействовали (и взаимодействовали ли?) восточные и западные средиземноморцы, палеоевропеоиды и веддоиды, дравидо-, ирано- и тюркоязычные народы, древние земледельцы и скотоводы... просто пропадет и растворится в этих самых бескрайних песках, сгорит на том самом «белом солнце»... Да, конечно, за прошедшие 15 гонурских полевых сезонов многое стало более ясно. Но в то же время: «я знаю только то, что ничего не знаю». Решение одних вопросов («на кого похожи?», «откуда пришли в дельту Мургаба?», «единая ли или смешанная популяция?», «есть ли свидетельства смешения земледельцев со степными группами?», «как соотносится древнее и современное население?» и др.) высветило и более глубокие, затрагивающие основы антропологии (например, такой: «какие факторы [при в значительной мере сходных миграционных процессах и способах ведения хозяйства] повлияли на неолитическое население региона [в целом сходное] таким образом, что на востоке [в южных районах Таджикистана] население стало гипербрахикранное, а на востоке [южные районы Туркмении] – сохранилась долихокrania?»).

Но антропология оказалась не единственной «силой притяжения» на Гонуре. То, что В. И. Сарияниди «усматривал» под землей, а потом и извлекал оттуда на радость ученым и зависть «доброжелателям», открывало такие неизвестные стороны древней истории, что дух захватывало от сознания, что так обыденно, без содрогавшейся под ногами земли, или разверзающихся небес, мы соприкасаемся с богатым духовным миром людей, живших четыре тысячи лет назад. Мы, увы, еще не можем «прочитать» (иногда вообще, а когда-то частично) то, что записано в ворохах белых перьев и оскаленных пастях, развивающихся крыльях и змеиных кольцах, в широко открытых очах и волнистых волосах,

которые сохранили до нас мозаичные (первые из известных в мире!) панно. Но сам факт, что, благодаря Виктору Ивановичу культура этого народа, как ныне оказывается, объединявшая население огромного региона (границы которого впервые он же и очертил), становится нам известна; что через пару десятков лет (а, может быть, и пару поколений?) вера и чаяния живших тогда людей будут понятны многим – бесспорен.

В виде благодарности за такую возможность общения с прекрасным прошлым, с самим настоящим Виктором Ивановичем (которого некоторые называют не только «Львом пустыни», но и «Великолепным») хочу и представить небольшую работу, посвященную попытке сопоставления древнего и современного разнообразия населения любимого им Туркменистана.

Антропология – наука о том, как менялись особенности физического облика человека со времени его появления на земле, как они меняются с возрастом, каково разнообразие этих особенностей в настоящее время на разных континентах и в зависимости от условий жизни. Сравнивая размерные и описательные характеристики населения разных географических областей, находя в них общие и особенные черты, мы можем понять, находились ли эти народы в родственных отношениях, а если находились, то в каких. Конечно, не всегда эти вопросы решаются просто. В сравнениях подобного рода большое значение имеет или численность обследованного современного населения, или количество костных останков, представляющих древние народы.

Облик современных туркмен с научной точки зрения изучен достаточно хорошо. Первые материалы были получены еще в 1926 году Л. В. Ошаниным (1926). Наиболее подробное исследование территориальных групп туркмен принадлежит О. Бабакову (1977). Эти исследования показали, что туркменам присущ восточносредиземноморский тип (закаспийский комплекс антропологических характеристик: долихокефалия, высокое и относительно узкое лицо с высоким и относительно узким носом; темная пигментация волос и глаз; средне наклонный лоб со слабо развитым рельефом в области надбровья; среднее по высоте переносье, средняя степень развития третичного волосяного покрова, средняя горизонтальная профилировка лица и средневыступающие скулы).

Происхождение и древность долихокефалии туркмен до сих пор остается дискуссионной. Так, Л. В. Ошанин к А. И. Ярхо высказывались в пользу ее связи со скифским (сакским) населением (Ошанин, 1926, 1928; Ярхо, 1933). М. Г. Левин (1947) и Т. Н. Дунаевская (1963) считали, что туркмены в целом брахикефалы, но накладывая специальные повязки в детском возрасте, они искусственно удлиняют головы. А. П. Пестряков (1964) еще раз проанализировал имевшиеся в его распоряжении литературные и собранные в Каракалпакской АССР материалы и пришел к выводу, что часть туркмен долихокефальна по своему происхождению и не деформирует голову. Члены другой группы имеют от рождения мезо- или брахикефальную голову и, накладывая специальную высокую повязку, удлиняют ее. Третья группа также долихокефальна, но члены ее все же накладывают повязки, чем усиливают исходную тенденцию к долихокефалии. Автор данной работы, проанализировав изменчивость диаметров головы и корреляции головного указателя с возрастом, также склоняется в пользу последнего вывода (Дубова, 1978, 1985, 1996).

Новый свет на данную проблему удалось пролить, благодаря многолетним широкомасштабным работам Маргианской археологической экспедиции под руководством В. И. Сарияниди на выдающемся памятнике эпохи бронзы, расположенного в 85 км к северу от г. Байрамали в песках Каракумов – Гонур Деде (Сарияниди, 1990, 2001, 2002, 2005, 2008 и мн. др.). Уникальные по своей численности и представительности материалы

(к лету 2009 г. мы имели костные останки более чем по 4000 древним маргушцам, жившим в ныне пустынных районах в 2300 до 1600 гг. до н. э.), которые позволяют со многих сторон охарактеризовать внешний облик древнего населения Туркменистана, тщательно собиравшиеся на протяжении десяти лет О. Бабаковым, а потом еще девяти лет автором этих строк,¹ принесли важное открытие, подкрепившее последний вывод. На предмет выявления деформации удалось изучить костные останки 186 человек (154 детей и 32 взрослых). Значительная часть черепов (у 9 взрослых и 65 детей – или 40% от всех изученных) несла совершенно четкие следы искусственной деформации в области затылка и темени (табл. 1). Оказалось, что такая разновидность кольцевой деформации, которая известна под названием теменно-затылочной, была очень широко распространена среди населения Гонур Депе, и, по-видимому, во всей Маргиане уже в эпоху средней бронзы (в середине – конце II тыс. до н. э.) (Дубова, 2004, 2004а, 2006).

Таблица 1

Распределение черепов с визуально фиксируемыми следами искусственной деформации (ТЗД), найденных на руинах, по полу и возрасту

Признак	Всего вошло в анализ		Череп с ТЗД		
Пол	N	%	N ₁	% от вошедших в анализ	% от черепов с ТЗД
Муж. (male)	209	48,2	68	32,6	54,0
Жен. (female)	129	29,7	34	26,4	27,0
Не определен (?)	96	22,1	24	25,0	19,0
Всего	434		126	29,0	
Возраст (в годах)	N1	%	N2	% от N1	% от N3
Infantilis I (до 1)	73	16,8	17	23,3	13,5
Infantilis I (1-6)	142	32,7	52	36,6	41,3
Infantilis II (7-14)	76	17,5	33	43,3	26,2
Juvenis (15-19)	22	5,1	4	18,2	3,2
Adultus (20 – 34)	43	9,9	9	20,9	7,1
Maturus (35 – 54)	50	11,5	10	20,0	7,9
Senilis (55 лет и старше)	28	6,5	1	3,6	0,8
Всего (N3)	434		126	29,0	

Судя по следам, оставшимся на черепках, почти сразу после рождения ребенка ему на голову накладывалась тугая повязка, одна часть которой охватывала снизу затылок, а вторая помещалась на темени, ближе ко лбу или сзади – почти на верхней части затыл-

¹ Это стало возможным, благодаря финансированию полевых и лабораторных исследований первоначально АН СССР и ее преемницей Российской Академией наук, а также Академией наук Туркменистана, а затем различными спонсорами, среди которых нельзя не назвать руководителя раскопок В. И. Сарияниди, Министерство культуры Греции, общества греков-понтийцев, итальянский Научно-исследовательский центр Дж. Лигабуе, американские Научное общество «Нэйшнл географик» и Фонд Леона Леви, Российский фонд фундаментальных исследований (проект 07-06-00062а), Российский гуманитарный научный фонд (проекты 99-01-00180а, 00-01-18034е, 07-01-18017е); Программу Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (2003–2005). Всемирную поддержку оказывал и оказывает работам в Маргиане Президент Туркменистана, туркменское Правительство и местные власти, за что хотелось бы выразить всем самую искреннюю благодарность.

ка. Следы такой повязки обнаружены на черепах умерших в разных возрастах, включая младенцев, проживших лишь 5–7 и даже менее 1 месяца. Повязка состояла из довольно узкого куска(ов?) материи, которым несколько раз обматывали голову, как бы бинтовали ее. Судя по всему, искусственная деформация была непреднамеренной, т. е. голова туго повязывалась платком или куском материи не с сознательной целью изменить форму головы. Скорее всего, платочек (или специальная шапочка, которую нередко и сейчас используют туркмены) был элементом ухода за ребенком.

Среди изученных останков 32 новорожденных младенцев в 5 случаях отмечена явная теменно-затылочная деформация (15,6%). Такие следы не были обнаружены ни у одного из 12 детей, родившихся преждевременно (около 30 недель внутриутробного развития), мертворожденных или умерших, вероятно, сразу же после рождения. Поэтому, если из общего числа умерших новорожденных вычесть число родившихся преждевременно (мертворожденных?), то итоговая частота деформированных черепов в этой группе увеличится до 25% (подробнее см.: Дубова, 2006).

Сравним наши наблюдения с исследованием М. Г. Левина, проведенным среди туркмен-теке г. Ашхабада в 1942 г.: «До настоящего времени у туркмен полностью сохранился обычай повязывать ребенку при рождении голову сложенным платком. Платок складывается косынкой, накладывается основанием на лоб, вершиной назад; концы косынки обводятся вокруг головы, проходят ниже выдающейся части затылка и спереди завязываются узлом. Повязка то накладывается низко на лоб, то выше, оставляя лоб открытым.¹ Накладывается косынка поверх тюбетейки. Детская тюбетейка отличается от обычной тюбетейки взрослых своей большой глубиной, имея скорее характер шапочки. Нам приходилось видеть на детях грудного возраста и тюбетейки с завязками типа капора («куладжин»). Повязывается платок-косынка очень туго. И тюбетейка, и платок надеваются ребенку сразу же после рождения и не снимаются ни днем, ни ночью независимо от сезона. Мокот голову детям весьма редко. Сказанное относится и к мальчикам, и к девочкам. Мальчики носят платок лет до пяти, затем платок уже не повязывается, и ребенок получает новую тюбетейку, с которой, как и взрослые туркмены, расстается редко. Девочки носят платок до замужества и сменяют его на женский головной убор — характерный высокий колпак (бурук)» (Левин, 1947, с. 186–187). И далее: «Типичная для туркмен форма головы <...> может быть характеризована следующим образом: лоб сильно покатый, переходит в темя полого, без заметного перегиба. Темя в профиль образует дугу, круто поднимающуюся сзади. Макушка резко выступает, тогда как затылочная область выступает не сильно. Темя в поперечном сечении — плоское. Отмечается заметное сужение в области лба. Наряду с указанной типичной формой головы следует отметить и другую, которая также несет на себе явные следы деформации и отличается прямым лбом, переходящим в темя с крутым перегибом и более выпуклым затылком; при этой форме темя в профиль образует более пологую дугу, макушка не выступает так заметно, как в первом типе. Оба типа образуют между собой гамму постепенных переходов и должны быть поставлены, по-видимому, в связь со способом наложения повязки. При низком наложении повязки на лоб, создаются условия для деформации первого типа, при повязке высокой, оставляющей лоб открытым, — второго типа» (Левин, 1947, с. 187–188).

Имеющиеся у автора полевые материалы свидетельствуют, что эта традиция достаточно широко распространена в Туркменистане и в настоящее время. Как видим, изменения формы черепа, зафиксированные нами на черепах эпохи бронзы (II тыс. до н. э.)

¹ По-видимому, это не безразлично для результатов — Сноска М. Г. Левина — НД.

на Гонуре, практически полностью совпадают с воздействиями на кости черепа, которые имеют место в результате наложения повязки на голову ребенка сразу же после рождения современными туркменами.

Такой вывод крайне важен для изучения вопросов бытования искусственной деформации головы и для истории сложения населения Азии в целом. По свидетельству литературных данных, самые ранние по времени черепа с кольцевой деформацией обнаружены в серии V–IV вв. до н.э. из поселения Яздепе вблизи древнего Мерва в Туркменистане. В IV–II до н. э. они выявлены на материалах из Актамского, Кунгайского и Суфанского могильников в Ферганской долине и в Чирик Рабате в Восточном Приаралье; в III–II вв. до н. э. - в могильнике Егиз-Койтас в Центральном Казахстане. Имеется также один череп из могильника Атбашы (юго-восточная Фергана, I в. до н.э. – II в. н. э.) со следами этого же типа деформации. Подобный тип деформации на территории Средней Азии одинаково часто встречается как среди кочевников, так и оседлых земледельцев. Широко распространено мнение, что этот тип был принесен в Среднюю Азию гуннами из Центральной Азии. Но на территории Средней Азии и Казахстана, причем как в северных, так и южных их областях, этот обычай, как считалось ранее, появился на 500–600 лет раньше, чем в Сибири и Центральной Азии. Ни на территории Средней Азии, ни в Сибири в предыдущие годы не было найдено ни одного случая, относящегося к более раннему периоду, чем IV–III вв. до н. э. (*Ходжайов*, 1966, 2000; *Тур*, 1998).

Таким образом, антропологические находки, сделанные Маргианской археологической экспедицией свидетельствующие, что такая разновидность кольцевой деформации, которая известна под названием теменно-затылочной, была очень широко распространена среди населения Гонур Депе, и, по-видимому, во всей Маргиане уже во II тыс. до н. э., что по меньшей мере на 900–1000 лет раньше, чем она появилась в северных районах Средней Азии, и приблизительно на 1500 лет ранее, чем в Сибири и Центральной Азии.

Небезынтересна информация и о длительности бытования этой традиции. Так, Т. К. Ходжайов пишет о том, что в разных историко-культурных регионах частота встречаемости такого варианта деформации сильно варьирует. В последних веках до нашей эры и первой половине I тыс. н. э. в Северной Бактрии, Хорезме и в южной Фергане кольцевая деформация была распространена в равной степени среди городского и сельского населения. В Восточном Прикаспии, на западе Хорезмского оазиса – Присарыкамышье, в Юго-Восточном Приаралье, Ташкентском оазисе, Северной Фергане, в Таласской долине и на Тянь-Шане, Алае деформация практиковалась в основном среди местных скотоводческих племен. В эпоху раннего средневековья обычай деформации бытует уже как у городского, так и сельского населения Средней Азии и Казахстана, однако не в таких масштабах, как в первой половине I тыс. н. э. Крайне редки находки деформированных черепов из Чуйской, Таласской, Ферганской, Зарафшанской, Кашкадарьинской долин и прикопетдагской полосы Южного Туркменистана (от 5 до 15%). Исключение составляет лишь Левобережный Хорезм, где кольцевая деформация сохраняется у раннесредневекового городского и сельского населения (до 70–90% от общего числа погребенных). В правобережной части дельты Амударьи, где обитало население кердерской культуры, не зафиксировано ни одного случая кольцевой деформации.

Эти факты, а также данные о том, что в настоящее время мы не имеем антропологических свидетельств распространения преднамеренной деформации головы в степных районах Евразии ранее середины I тыс. до н. э. (*Ходжайов*, 1966, 2000, 2006), позволяют говорить о возможности распространении такого обычая деформации головы в степные районы Евразии из южного маргианского центра. Безусловно, возможно и параллельное

возникновение этого обычая на различных территориях. Наиболее важно то, что применявшийся гонурцами способ деформации не сильно изменял форму головы, хотя и имел четко выраженные морфологические последствия. Скорее всего, эта деформация не имела своей целью сознательное удлинение черепа. Логичнее полагать, что она – следствие способа одевания младенца. По-видимому, такому способу деформации способствовала тугая повязка или плотная небольшая шапочка, которые одевались на голову новорожденного младенца. Нельзя исключать, что со временем эта бытовая традиция могла превратиться в сознательное воздействие на голову ребенка.

Какую же точку зрения поддерживают полученные на Гонуре данные? Являются ли современные туркмены долихо-, мезо- или брахицефальным народом? Как и для большинства народов мира, нельзя ответить на этот вопрос однозначно. Во всех туркменских племенах встречаются и те, и другие, и третьи. Да, в среднем туркмены более долихоцефальны, чем, например казахи. Но усредненный для группы головной указатель изменяется от 81,2 (брахицефалия) у туркмен Астраханской области России до 77,4 (мезоцефалия) у туркмен, проживающих на юге и западе Туркменистана. Соответственно в Дашогузе (северные районы государства) он равен 80,6, а в восточных – 79,1. Не в малой степени, как уже отмечалось, сохранению большего числа долихоцефалов среди туркмен, чем в других среднеазиатских странах, способствует именно сохранение традиций бинтования головы ребенка с самого рождения. И древний обычай, который, как мы теперь знаем, уходит своими корнями, по меньшей мере, во II тыс. до н. э., а может быть, и в более раннее время, сохраняется практически на всей территории Туркменистана, а его бытование зависит уже, скорее от социальных предпочтений, а не племенной принадлежности родителей.

Здесь нельзя не обратить внимание и еще на одно важное обстоятельство, связанное с проблемой брахицефализации населения Туркменистана. Гонурцы в среднем долихоцефальны: черепной указатель у мужчин, похороненных на большом некрополе, равен 71,0, а у женщин – 71,6. Но среди представителей обоих полов встречены и брахицефальные черепа (всего их 5 или 2,1%). Эта особенность серии была отмечена уже при первой публикации (*Бабаков и др.*, 2001). Для столь раннего периода времени брахицефалы встречены на территории Средней Азии впервые. Напомню, что одним из самых ранних центров эпохального процесса брахицефализации являются такие памятники как Тепе Силк и Тепе Гиссар в Иране. Брахицефализация, как показали исследования В. В. Бунака, А. Валуа, И. Швидетцкой и М. Каппьери (*Бунак*, 1927; *Vallois*, 1939; *Schwidetzki*, 1950; *Cappieri*, 1961, р. 95–11), с одной стороны, во многом сопряжена с широким распространением миграций и связанной с ними метисации ранее не контактировавших между собой групп. С другой стороны, важен и экологический фактор. Так, П. Вассалем (*Vassal*, 1957) была выявлена территориальная зависимость брахицефалии с выходами гранитов на поверхность почв, а в известной серии работ Т. И. Алексеевой, ее коллег и учеников (см.: напр., *Алексеева*, 1977, с. 16–18; 1998, с. 45–51 и др.) подчеркивается отрицательная связь размеров и пропорций скелета с содержанием костеобразующих минералов в среде обитания. На Гонуре имеются примеры отклонений от оптимальной минерализации скелета (например, наличие трех скелетов карликов, найденных, как на некрополе – погр. 1141, 1172, так и в гробнице 3230 царского некрополя, а также костные останки нескольких детей с нарушением процесса оссификации – см. подробнее: *Дубова*, 2006). Можно по-разному оценивать имеющиеся данные, но гонурский материал в любом случае показывает, что в конце III тыс. до н. э. процесс брахицефализации уже стал проявляться и на территории Южного Туркменистана.

Анализируя литературные данные о положении туркмен среди других антропологических типов Средней Азии, прежде всего следует подчеркнуть важность точки зрения, высказанной в 1974 г. В. П. Алексеевым о том, что туркмены, как представители закаспийской расы, могут быть сближены с населением Западного Памира (1974, 1974а). Палеоантропологические аналогии этому варианту, вернее его европеоидной основе (так как монголоидная примесь появилась в составе туркмен позднее) может быть прослежена на находках эпохи неолита и бронзы южных районов Туркменистана. На основе анализа данных по антропологии современного населения Средней Азии мною был сделан вывод, что население, жившее на территории современного Южного Туркменистана, Узбекистана и равнин Таджикистана, в эпоху неолита было сходно между собой. Позднее, скорее всего в эпоху бронзы, происходит формирование различных вариантов внутри этой, прежде однородной общности: в районах Южного Узбекистана и Таджикистана появляется население, отличающееся от насельников западных районов более низким лицом. Этот вариант, описанный для современного населения, был назван южно-таджикский грацильный (Пестряков, 1975, 1980; Дубова, 1978а, 1996 и др.). К такому же выводу, характеризую население южных районов Средней Азии эпохи бронзы, приходит Т. К. Ходжайов (1981, 1983).

Результаты анализа исторической взаимосвязи различных антропологических и одонтологических признаков между собой позволили автору данной работы выделить несколько европеоидных компонентов, которые вошли в состав туркменского народа: восточносредиземноморский (закаспийский), древний степной сильно матуризованный с крупными размерами головы и лица и, по всей видимости, более светло пигментированный вариант. Позднее на них наслоился один или несколько монголоидных вариантов (Дубова, 1978, 1996). Не исключено участие в этом процессе и европеоидного варианта с крупными размерами головы, но с более низким лицом.

Антропологические исследования, проведенные К. Наджимовым в Сурхандарьинской области (1958), показали, что туркмены, проживающие в районе Термеза, как и туркмены Туркменистана, относятся к длинноголовому закаспийскому типу. Нуратинские туркмены, живущие в одном из районов Самаркандской области Узбекистана, по данным В. Я. Зезенковой (1945), обнаруживают некоторое сходство с закаспийским антропологическим типом. Среди проживающих там потомков племен канджигалы, айтамгалы и казаяклы этого типа не обнаружено. Они отнесены автором исследования к расе Среднеазиатского междуречья. Исследованием О. Бабакова закаспийский антропологический тип описан лишь для туркмен Южного Таджикистана, а все нуратинские туркмены, обследованные по значительно более подробной, чем в 1944 году, программе, включены в расу Среднеазиатского междуречья (Туркмены в Среднеазиатском междуречье, 1989).

Човдуры Ставропольского края и иомуты Хорезма, изученные А. И. Ярхо (1933), так же как и нуратинские туркмены, оказались более монголизированными в результате метисации с каракалпаками и отчасти казахами, что отмечалось и этнографами (Жданко, 1964; Ниязклычев, 1968). Туркмены Хорезма и Северного Кавказа в целом сходны с группами, описанными Л. В. Ошаниным и О. Бабаковым (Туркмены в Среднеазиатском междуречье, 1989).

Обобщение всех, имеющихся в литературе и собранных по единообразной методике данных по антропологии туркмен, включая, кроме выше перечисленных, материалы Н. Рысыназарова по Каракалпакии (1972), Г. Ф. Дебеца по Афганистану (1968, 1980, 1996) и О. Бабакова и Н. А. Дубовой по Ставрополью и Астраханской области (Бабаков, Дубо-

ва, 1989; Дубова, Бабаков, 2003)¹ дали возможность сделать важные выводы об антропологических компонентах, сформировавших туркменский народ (Дубова, 1989). Сводные данные по признакам кефалометрии и кефалоскопии приведены в табл. 1.

Оказалось, что по всем признакам, имеющим высокий таксономический ранг для среднеазиатского региона, туркмены различаются в весьма сильной степени (см. табл. 2, последний столбец). Даже туркмены Туркмении в антропологическом отношении также не могут считаться однородными как по описательным, так и по измерительным признакам. У разных территориальных и племенных групп современных туркмен по-разному выражены антропологические пласты, вошедшие в состав этого народа. Так, древний неолитический пласт (долихокефалия при большом продольном и малом поперечном диаметрах, высокое и узкое лицо, слабая выраженность рельефа, резкая горизонтальная профилировка, высокий и узкий нос при высоком переносе и общей грацильности скелета) прослеживается почти во всех группах, но наиболее ярко выражен у нохурли, губадагли, ата и меджевуров. Труднее всего этот антропологический компонент можно проследить у туркмен Узбекистана, Ставропольских групп, човдуров, олам, элеч, а также в некоторых группах эрсаринцев. В перечисленных группах, также как и у эрсари Таджикистана, ясно выступают черты, свойственные древнему степному населению (большие продольный и поперечный диаметры, мезокефалия и брахицефалия, относительно высокое и широкое лицо, наклонный лоб с сильно развитым надбровьем, большой, а иногда и очень большой нижнечелюстной диаметр), безусловно вошедшему в состав огузов. Также как и предыдущий вариант, этот антропологический компонент прослеживается в разной степени в составе практически всех туркмен. Заметным отличием таких групп как элеч, эрсари Таджикистана, нуратинских туркмен, човдуров Хорезма и абдалов Астраханской области от других выборок является сильная выраженность монголоидных характеристик. Кроме того, нельзя не упомянуть, что чрезвычайно массивная нижняя челюсть (элеч 116,4; човдуры 114,4; теке – 115,2 мм) отмечена как одна из очень характерных черт черепов из неолитического могильника Тумек-Кичиджик, принадлежавшего носителям кельтеминарской культуры (Яблонский, 1986).

Выводы, сделанные по результатам изучения современного населения, подтверждаются и палеоантропологическими материалами. Все имеющиеся данные демонстрируют постоянное взаимодействие степных более матуризованных, массивных групп с земледельческими, относительно более грацильными (Гинзбург, Трофимова, 1972; Ходжайов, 1981, 1983). Причем это взаимодействие раньше проступает (еще в энеолите) и сильнее выражено в северных районах (Гинзбург, Трофимова, 1972; Яблонский, 1986). Как было показано Т. К. Ходжайовым в упомянутых работах, в более южных районах массивное население появляется позднее, не ранее эпохи бронзы в более восточных районах (Южный Узбекистан) и на Краснодарском полуострове. По данным О. Бабакова (1976, 1983) и Г. Гельдыевой (1986), на самый юг Туркмении это население, по-видимому, пришло лишь в эпоху раннего средневековья. Можно проследить два пути его продвижения — вдоль восточного побережья Каспийского моря и по Амударье.

¹ Материалы, собранные зарубежными исследователями в Ираке, Иране и других ближневосточных странах не анализировались, прежде всего ввиду различий в методике сбора данных. Эти данные суммированы в книге: Field, 1961..

Группа нуратинских туркмен, генезис которой ведется от огузов и туркмен, живших в области Сыгнака и предгорьях Каратау, пришла в современное место обитания в конце X–начале XI вв. Здесь в их состав влились другие самые различные этнические элементы, прежде всего местное население Мавераннахра. Поэтому вполне определено и в антропологическом плане эта группа очень близка узбекам, имевшим в прошлом родоплеменное деление, сохранив и ряд особых черт, в частности массивность скелета.

Если в Самаркандской области туркменские племена несколько веков жили бок о бок с таджиками и узбеками, то в Ставропольском крае и Астраханской области они появились значительно позже. Но, тем не менее, и там, также как в Таджикистане и Афганистане, местное население приняло участие в сложении их антропологического облика. Так, в Астраханском крае и Ставрополье туркмены контактировали с татарами, ногайцами, калмыками, реже с русскими. Этим можно объяснить и некоторые отличия их физического облика от типа туркмен Туркмении: астраханские туркмены несколько более светло пигментированы, имеют более крупные размеры головы и лица и большую монголоидную примесь. Туркмены атинцы Каракалпакии сходны с узбеками, живущими там же, но у них слабее выражены монголоидные особенности, чем у туркмен южных районов Узбекистана. Туркмены Каракалпакстана имеют более крупные размеры головы и лица, чем туркмены Афганистана, но меньшие размеры головы, чем эрсари Таджикистана. В группах афганских и таджикистанских туркмен не исключена поздняя примесь антропологического типа близкого к южнотаджикскому грацильному. Следствием этого может быть некоторое понижение морфологической высоты лица у туркмен Таджикистана и в двух афганских выборках.

Следует, правда, отметить, что вопрос о количестве и характеристиках монголоидных компонентов, вошедших в состав как туркмен, так и других народов Средней Азии и Казахстана, все еще остается открытым. Наиболее вероятным представляется тот факт, что достаточно хорошо выраженные монголоиды южных районов Средней Азии не достигали. Сюда доходили, даже в средневековье, достаточно сложные как по этническому составу, так и в антропологическом отношении популяции.

Но и эти, казалось бы, достаточно обоснованные выводы удалось уточнить, благодаря данным, полученным на Гонур Деппе. Почти также как археологические данные с этого замечательного памятника «взорвали» многие из существовавших ранее концепций, материалы, характеризующие население этого нового, пятого центра древневосточной цивилизации, показали, что взгляды на сложение антропологического покрова не только Туркмении, но всего Среднеазиатского региона, широко распространенные ранее, должны быть серьезным образом скорректированы. Как известно, именно результаты исследования костных останков людей могут дать ответы на вопрос «Являются ли месопотамские и хараппские параллели, прослеживаемые В. И. Сарияниди по материальной культуре Гонур Деппе результатом торговли и культурных заимствований, или же они связаны с реальным перемещением и смешением масс людей?» Благодаря наличию данных по основателям, строителям столичного центра (некрополь Гонура, конец III – начало II тыс. до н. э. – *Бабаков и др.*, 2001), а также тем жителям, которые остались жить в самый последний период обитания, когда вода почти полностью оставила этот район («захоронения на руинах» – середина II тыс. до н. э. – *Dubova, Rykushina*, 2007), вполне реально оценить физическое присутствие там степного населения, дискуссия о котором пока продолжается (см., например: *Гинзбург, Трофимова*, 1972, с. 98; *Яблонский*, 1996, с. 58 – о северных районах Средней Азии и, например: *Кияткина*, 1987, с. 51–52, а также: *Громов*, 1995, с. 156–159; *Ходжайов*, 2004, с. 96, 101; *Яблонский*, 2004, с. 284 – о южных).

Таблица 2.

Антропологическая характеристика туркмен различных регионов

Признаки	Туркменистан N групп – 34		Таджикистан, N групп 1	Узбекистан N групп – 5		Астраханская область N групп – 3		Северный Кавказ N групп – 3		Афганистан N групп – 4		Суммарно все группы N групп – 49	
	Пределы вариации	М		Пределы вариации	М	Пределы вариации	М	Пределы вариации	М	Пределы вариации	М	Пределы вариации	М
Продольный диаметр	188,4–197,0	193,58	200,0	183,3–192,1	190,66	188,8–191,4	190,1	192,3–193,4	192,93	192,8–196,6	194,17	183,3–200,0	193,26
Поперечный диаметр	144,2–153,0	148,13	153,2	147,4–157,9	149,48	152,8–156,5	154,65	152,1–152,2	152,77	144,2–147,5	146,22	144,2–157,9	149,29
Головной указатель	72,4–80,2	76,52	76,60	75,16–86,14	78,47	79,21–80,93	80,07	78,96–79,63	79,18	73,35–76,50	75,30	72,40–86,14	77,27
Головной модуль	169,4–172,28	170,85	176,6	169,75–171,1	170,17	170,8–173,95	172,37	172,6–173,3	172,75	169,5–170,75	170,19	169,9–172,85	171,27
Скуловой диаметр	137,0–146,2	140,49	139,1	139,3–147,3	141,36	145,5–146,0	145,75	144,8–146,3	145,57	136,7–140,3	138,50	136,70–147,30	141,10
Нижнечелюстной диаметр	107,8–116,4	111,61	114,4	108,8–112,6	110,71	110,4–112,1	111,25	113,1–113,6	113,33	109,4–111,7	110,67	107,0–116,4	111,6
Физиономическая высота лица	173,1–191,2	183,01	185,5	–	179,9	185,7–192,2	188,95	–	–	184,5–192,0	188,77	173,1–192,2	183,5
Морфологическая высота лица	124,5–135,5	130,27	120,4	125,7–128,7	129,48	128,8–132	130,4	130,1–131,3	130,6	124,5–129,6	127,42	120,4–135,8	129,1
Высота носа (от бр)	54,1–61,4	58,16	57,8	61,0–61,5	61,25	57,5–58,0	57,75	61,1–61,4	61,27	55,2–56,9	55,72	54,1–62,2	58,60
Ширина носа	35,1–39,4	35,90	36,5	36,6–39,0	37,80	36,8–38,4	37,60	35,9–34,3	36,60	56,6–37,3	36,95	35,1–39,4	36,90
Цвет глаз % светлых	0,0–6,7	1,59	1,3	1,0–1,3	1,1	0,0–7,7	3,85	–	–	–	–	0,0–7,7	1,18
Средний балл	1,27–1,96	1,87	1,85	1,55–1,84	1,73	1,38–1,51	1,44	1,69–1,85	1,76	1,73–1,83	1,77	1,38–1,96	1,75
Цвет волос % № 27	13,6–66,4	42,14	–	–	–	–	36,60	–	–	38,0–57,0	45,0	13,6–57,0	32,65

% № 4	21,3–75,2	59,75	–	–	–	36,00	–	–	–	43,0–62,0	52,0	21,3–5,2	50,36
Рост бороды Средний балл	2,09–2,40	2,56	2,96	2,41–3,38	2,66	2,05–2,69	2,37	1,97–2,19	2,09	2,52–3,69	2,75	1,97–3,69	2,58
Эпикантус % наличия Средний балл	1,82–38,60	11,31	29,50	3,0–42,5	17,26	0,00–22,9	11,45	5,5–10,1	7,93	7,0–27,0	18,50	0,0–42,5	7,76
	0,02–0,88	0,23	0,41	0,11–0,77	0,44	0,0–0,23	0,11	–	–	0,10–0,37	0,24	0,0–0,88	0,27
Горизонтальная проекция лица Средний балл	1,69–2,64	2,14	2,12	2,24	2,01	1,92–2,35	2,13	1,30–1,51	1,42	1,88–2,10	1,97	1,30–2,66	2,03
Выступление скулы Средний балл	1,35–2,92	1,88	2,84	–	2,47	1,52–1,92	1,72	–	–	1,83–2,10	1,97	1,35–2,92	2,03
Высота переносы Средний балл	1,84–2,64	2,05	1,96	1,63–2,17	1,96	2,0–2,23	2,11	1,66–1,93	1,80	1,97–2,12	2,05	1,63–2,64	2,04
Наклон лба Средний балл	1,70–2,59	2,19	2,11	2,01–2,68	2,17	1,85–2,12	1,98	2,32–2,40	2,38	2,36–2,73	2,60	1,70–2,68	2,28
Развитие надбровья Средний балл	1,10–2,42	1,56	2,32	1,58–2,05	1,74	1,85–2,23	2,04	1,69–1,86	1,80	1,14–1,27	1,20	1,10–2,42	1,72

Таблица 3

Некоторые краниометрические параметры Гонур Депе и Бустон VI

Признаки (№ по Р. Мартину)	Гонур Деде				Бустон VI	
	Некрополь		Погребения в руинах дворцово-храмового комплекса			
	Мужские	Женские	Мужские	Женские	Мужские	Женские
1. Продольный диаметр	186,7(101)	179,3 (71)	190,7 (41)	180,5 (40)	186,1 (15)	182,5 (19)
8. Поперечный диаметр	132,6 (92)	128,0 (69)	135,2 (29)	129,7 (32)	135,5 (11)	136,8 (12)
8:1. Черепной указатель	71,2 (91)	71,3 (63)	71,18 (29)	71,94 (31)	72,9 (10)	74,8 (11)
17. Высотный диаметр ba-br	134,3 (82)	129,0 (57)	136,5 (33)	132,4 (32)	135,7 (12)	130,7 (15)
9. Наименьшая ширина лба	94,7 (91)	92,2 (63)	96,0 (31)	92,4 (34)	95,3 (12)	95,4 (15)
45. Скуловой диаметр	125,8 (65)	118,1 (47)	128,0 (27)	121,4 (20)	130,7 (3)	127,2 (5)
48. Верхняя высота лица	68,5 (75)	63,5 (59)	72,3 (44)	69,0 (37)	70,7 (12)	67,9 (17)
55. Высота носа	50,7 (77)	48,7 (56)	53,91 (44)	51,3 (38)	50,5 (14)	48,8 (17)
54. Ширина носа	24,4 (72)	23,4 (53)	24,7 (41)	24,1 (32)	25,2 (14)	24,4 (19)
51. Ширина орбиты (mf)	41,5 (87)	40,2 (62)	41,6 (33)	39,9 (30)	42,3 (15)	41,2 (20)
51a. Ширина орбиты (d)	39,1 (15)	38,1 (18)	39,7 (20)	38,2 (21)	38,6 (7)	38,2 (6)
52. Высота орбиты	31,9 (90)	32,2 (65)	32,9 (33)	32,7 (28)	33,4 (15)	34,0 (20)
77. Назомаллярный угол	135,8 (43)	136,2 (24)	137,4 (22)	137,9 (25)	137,0 (9)	140,9 (8)
Зигомаксиллярный угол	124,7 (31)	127,9(17)	129,4 (22)	127,2 (19)	122,9 (8)	125,7 (10)
75(1). Угол выступания носа	32,6 (38)	29,4 (23)	28,7 (21)	29,2 (19)	23,0 (9)	23,3 (12)

Кроме гонурской серии, для населения близлежащего региона – южных районов Узбекистана – также удалось получить новые материалы. Осенью 2007 г., благодаря приглашению автора раскопок, профессора Самаркандского Государственного университета Н. А. Аванесовой,¹ изучены краниологические материалы с памятника поздней бронзы Узбекистана Бустон VI. Как считает Н. А. Аванесова, результаты археологического изучения этого грунтового могильника говорят об его экстраординарных отличиях от других некрополей Шерабадского оазиса и бассейна Амударьи (Аванесова, 1995, 2006 и др.). По всей видимости, его надо считать одним из базовых памятников при изучении механизма бактрийского культуругенеза. Памятник относится к двум последовательным этапам (моллалинскому и бустанскому) заключительного периода сапаллинской культуры. Помимо преобладания общеандроновских элементов, в материальной культуре Бустон VI просматривается влияние срубной, тазабагъябской и постандроновской культур. Материалы с этого памятника представляют еще более поздний по сравнению с самыми последними обитателями Гонура этап (Аванесова, Дубова, Куфтерин, 2009). В табл. 3 представлены результаты измерения 234 черепов с некрополя (126 мужских и 108 женских),² 112 – из руин комплекса (56 мужских и 56 женских) Гонур Депе и 55 черепов из Бустон VI (26 мужских и 29 женских).

¹ Измерения произведены В. В. Куфтериним, небольшая часть – автором; поло-возрастные определения проводились автором совместно с А. И. Нечвалодой и В. В. Куфтериним.

² Приведенные в таблице данные отличаются от более ранних публикаций, т.к. здесь впервые приводятся результаты измерений всех черепов, найденных не позднее осени 2004 г.

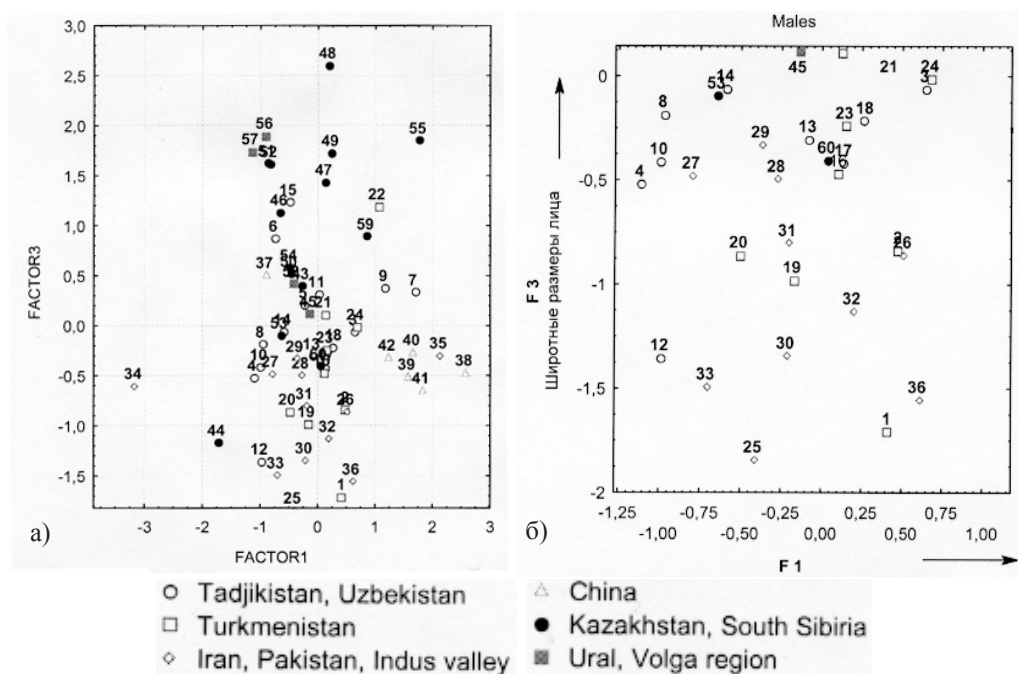

Рисунок 1. а) Графическое сопоставление мужских краниосерий в плоскости первой и третьей главных компонент; б) Фрагмент того же сопоставления.

Обозначения групп: 1 – Гонур, некрополь (Dubova, Rykushina, 2004); 2 – Гонур, руины (Dubova, Rykushina, 2004); 3 – Джаркутан (Алексеев, Ходжайов, Халилов, 1984); 4 – Сазаган (Ходжайов, 2004); 8 – Дальверзин (Гинзбург, Трофимова, 1972); 10 – Тигровая Балка I – Вахш (Кияткина, 1987); 12 – Тигровая Балка III – Ойкуль (Кияткина, 1987); 13 – Макони Мор (Кияткина, 1987); 14 – Кокча III (Гинзбург, Трофимова, 1972); 16 – Алтын Деле (Кияткина, 1987); 17 – Бустон VI (Аванесова, Дубова, Куфтерин, 2010); 18 – Сапаллитепа (Ходжайов, 1977); 19 – Кара Деле; 20 – Пархай 2 (Кияткина, 1987, Громов, 1995); 21 – Сумбар (Кияткина, 1987); 23 – Геоксюр (Гинзбург, Трофимова, 1972); 24 – Караэлемата-Сай и Патма Сай (суммарно – Гинзбург, Трофимова, 1972); 25 – Мохенджо-Даро (Эрхард, по: Кияткина, 1987); 26 – Хараппа R 37 (Dutta, 1983); 27 – Хараппа H (Dutta, 1983); 28 – Хараппа G 289 (Dutta, 1983); 29 – Шахри Сохта (Hemphill, 1998); 30 – Тепе Гиссар II (Дебеч по: Кияткина, 1987); 31 – Тепе Гиссар III (Дебеч по: Кияткина, 1987); 32 – Тимаргарха (Bernhardt, 1967); 33 – Буткара II (Bernhardt, 1967); 36 – Хасанлу V–IV слои (Каппиери по: Кияткина, 1987); 45 – Развитая срубная культура Урало-Повольжья (Хохлов, 1998); 53 – Андроновская культура Западного Казахстана (Гинзбург, Трофимова, 1972); 60 – Кривое озеро (Рыкушина, 2007).

Кроме этих данных для сравнения было привлечено 66 краниосерий энеолита – поздней бронзы как по земледельческому, так и скотоводческому населению разных районов Средней Азии и близлежащих регионов¹ (рис. 1). Сравнение проводилось методом главных компонент с использованием стандартного статистического пакета Statistica.

Как показывают результаты факторного анализа (использовались продольный, поперечный, высотный, скуловой диаметры, верхняя высота лица, высота и ширина носа, высота и ширина орбиты от mf), первые три фактора описывают почти 65% межгрупповой изменчивости (подробнее см.: Дубова, 2008; Аванесова и др., 2009). Первый фактор

¹ Пользуясь случаем, автор приносит свою искреннюю благодарность М. Балабановой и А. Хохлову за большую помощь, оказанную в подборе сравнительного материала.

(36,7% вариабельности) дифференцирует группы по верхней высоте лица, высотам орбиты и носа. Второй фактор (14,6%) – только по продольному диаметру и наименьшей ширине лба. Нельзя не подчеркнуть что такая ситуация достаточно своеобразна, т. к. обычно изменчивость продольного диаметра как генерализованного параметра, скоррелированного с общим ростом организма в продольном направлении, вносит существенный вклад в первый, т.е. определяющий наибольшую среди других параметров долю изменчивости, фактор. В сравниваемых же группах наибольшая изменчивость наблюдается по частным высотным признакам. Интересно, что третий фактор, определяющий 13,3% изменчивости, включает наибольшие нагрузки по всем широтным размерам (поперечный, наименьший лобный, скуловой диаметры и ширина орбиты), что говорит, что ростовые процессы в сравниваемых группах как в продольном, так и в поперечном направлении вносят почти одинаковый вклад к межгрупповую вариабельность. Высота черепа (ba-br), будучи ведущей в четвертом факторе вместе с шириной грушевидного отверстия, описывает 10,5% межгрупповой вариации.

Как показывает график, построенный на основании распределения значений 1 и 3 факторов (суммарно оценивают 50% изменчивости), привлеченные серии достаточно четко дифференцируются по территориям. Все казахстанские, южносибирские, алтайские, а также урало-поволжские группы имеют положительные значения F3, а почти все популяции Ирана, Пакистана, долины р. Инд, южных районов Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана – отрицательные. Другими словами, для южных групп, в том числе с территории Туркменистана характерны значительно более узкие лица и голова, чем степным. Совершенно отдельно расположились лесные и лесостепные группы – Окуневские, Саргатские, Карасукские могильники, – а также с основной территория Китая. Исключение из последних составляет могильник Гумугоу из Синьцзяна, который по сумме взятых признаков помещается рядом с заравшанской серией из Дашти-Казы. Наоборот, от основной массы отмеченного «облака» оторвалась небольшая серия из казахстанского Тасты-Бутака, своеобразие которой отмечалось еще ее исследователем (*Гинзбург*, 1962).

Обращая внимание на место обеих гонурских серий, прежде всего, надо отметить, что обе они весьма сходны по высоте лица, носа и орбит, тогда как по их широтным размерам различия между теми, кто был похоронен на некрополе и в последний период обитания на Гонуре несколько более заметны. Характерно, что мужчины-гонурцы, представленные останками из некрополя занимают на графике практически крайнюю позицию: они имеют почти самую узкую голову, узкие и высокие лицо, нос и орбиты среди всех привлеченных групп. Несколько более высокие лицо, нос и орбиты свойственные только группам V и IV слоев из Хасанлу (Иран) и из R37 Хараппы. Материалы из Кара Депе и Пархья по широтным размерам более сходны с теми, кого похоронили на руинах дворцово-храмового комплекса Гонура, но они имеют несколько меньшие высотные размеры, чем последние. Население Алтын Депе оказалось очень сходным с Геоксюрюм, а также с упомянутой поздней группой из Бустон VI, что явно свидетельствует о присутствии в их составе более массивного, относительно широколицего варианта. Из всех групп с территории Туркменистана сильно выделяется могильник Сумбар, который по использованным признакам сближился с таким памятником как южноуральское Кривое озеро, относящееся к синташтинской культуре.

По широтным размерам некрополю Гонура близки иранский Тепе-Гиссар II, Мохенджо Даро из долины р. Инд, Буткара из долины р. Сват в Пакистане и Тигровая Балка III (Ойкуль) в Южном Таджикистане. Эти палеопопуляции различаются по высоте лица и носа, которые наименьшие в Тигровой Балке.

Кроме Гонура, среди групп, включенных в анализ, имеется еще несколько памятников, которые представлены антропологическими материалами как из более ранних, так и более поздних слоев. Характерно, что также как и на Гонуре, прослеживаются та же закономерность отличий более раннего и более позднего населения на Тепе Гиссар в Иране, который в целом оказывается имеющим чуть меньшие высотные размеры лица, чем жители Гонура. Обращает на себя внимание «разброс» краниосерий из Хараппы. Черепа R 37 имеют почти такие же значения F1 как и обе серии из Гонура и Хасанлу, а по F3 (широтные показатели) они практически сливаются на графике с гонурскими «руинами». Хараппа Н по обоим факторам сильно отличается от R 37, сближаясь с сериями из Тигровой Балки I (Вахш), из Дальверзина и зарафшанского Сазагана, имея несколько большие высотные, а также широтные показатели. Очень показательным, что неподалеку от этого скопления на графике оказались серии из Кокчи III и андроновцы Западного Казахстана, что лишний раз подтверждает особенность населения этой территории, на что было обращено внимание еще В. П. Алексеевым (1964), В. В. Гинзбургом и Т. А. Трофимовой (1972). Возвращаясь к разнообразию населения Хараппы, отметим, что серия G289 оказывается очень похожей на черепа из иранской Шахри-Сохта и таджикского Макони Мор. Почти на таком же расстоянии от нее, но имея другие значения первого и третьего факторов, расположились туркменский Пархай 2 и упоминавшийся Тепе Гиссар III.

Нельзя не указать и на то, что территориально весьма удаленная от перечисленных групп серия из Кривого озера оказалась вместе с туркменским Алтын Депе и узбекским Бустон VI, рядом с которыми разместились туркменский Геоксюр и узбекская Сапаллитепа. Джаркутан и черепа из Больших Балхан (Караэлемата-Сай и Патма Сай) заняли на графике крайнее положение, имея (среди включенных в данный фрагмент серий) наибольшие значения обоих факторов. Подчеркнем, что еще большие значения анализируемых факторов имеют серии из Раннего Тулхара (Таджикистан) и Заман Бабы (долина Зарафшана). Они, хотя и не попадают в «облако степных серий», но имеют положительные значения F3.

Итак, говоря об итоге проведенного сопоставления, следует, прежде всего, напомнить, что любой метод многомерного статистического анализа нельзя переоценивать. Безусловно, все подобные методы дают возможность сопоставить группы по комплексу признаков. Но нередко общие различия по величине признаков затушевывают соотношения таковых, т.е. пропорции морфологических структур, которые бывают намного важнее тотального сходства или различия. Тем не менее, полученная нами картина, как представляется, неплохо укладывается в контекст имеющихся историко-культурных и антропологических реконструкций. Так, выделенные главные компоненты дифференцируют весь массив сравниваемых серий по высотам лица, носа и орбит, а также ширине головы, лица и тех же орбит. Самостоятельное значение имеет продольный диаметр. Но, сделанный еще в начале 1970-х годов В. В. Гинзбургом и Т. А. Трофимовой (1972, с. 97–98, рис. 15) вывод о наличии двух обширных областей распространения антропологических типов на территории Средней Азии и Казахстана (восточносредиземноморских и протоевропейских форм), который неоднократно подтверждался многими исследователями, базируется именно на тех же показателях. Своеобразное положение (не в пределах палеоевропейских вариантов!), о котором писала Т. П. Кияткина (1987, с. 52), также визуализируется и нашим анализом.

То существенно новое, что можно почерпнуть в результате накопления новых данных, проливающее свет и на взаимодействие степных скотоводов с оседлыми земледельцами, представляется следующим образом. Краниосерии с территории южных районов

Средней Азии, представляющие население, в культуре которого сочетаются признаки земледельческой и скотоводческой культур (Кокча III, Бустон VI, Караэлемата-Сай и Патма Сай, Джаркутан) явно располагаются между «типичными» земледельцами (Хасанлу, Гонур, Мохенджо Даро, пакистанские Тимаргарха и Буткара) и сериями с территории Казахстана, Южной Сибири и Урало-Поволжья. В то же время, гонурские черепа из «руин», также как и поздние слои Тепе Гиссара в Иране имеют большие значения третьей главной компоненты (широтные размеры) при сохранении высотных показателей на том же уровне, что и в более ранние эпохи на этих же памятниках. Это можно связать, прежде всего, с общими процессами брахикефализации, начинающимися заметно проявляться в это же время. Но также вероятно и влияние постепенного проникновения на юг, и, скорее всего, все большее распространение первоначально случайных, а затем и все более частых брачных контактов степняков с земледельцами. Для общей характеристики этого процесса смешения наиболее подходящим термином будет постепенное «просачивание». Важный момент, который нельзя не учитывать, это факт прихода на юг уже не «ярко выраженных», «чистых» протоевропеоидов (массивного населения, имеющего относительно более низкое, широкое, несколько уплощенное в горизонтальной плоскости лицо, но хорошо выступающий с высоким переносом нос и относительно узкие и широкие, т. е. прямоугольные орбиты), а групп, в антропологическом типе которых, безусловно, значительное место занимает средиземноморский компонент. Такая ситуация, конечно, ведет к усилению в митохондриальной популяции признаков представленных в обеих смешивающихся группах (т. е. средиземноморских).

Даже серия из Бустон VI, археологические материалы которого демонстрируют весьма значительный андроновский компонент, а антропологические – выраженную массивность, причем не только мужчин, но и женщин, при снижении высоты лица и чаще встречаемых прямоугольных формах орбит, и по результатам нашего анализа (см. рис. 1), и по общей популяционной характеристике должна быть отнесена к группам, где средиземноморский компонент (высокое, узкое, резко профилированное в горизонтальной плоскости лицо с высоким, узким хорошо выступающим носом и высокими орбитами, имеющими округлую форму) выражен все же сильнее протоевропеоидного.

Подчеркнем специально, что на Гонуре (т. е. в южных районах Туркменистана) о проявлении минимальной примеси антропологического компонента, которую можно связать со скотоводческим окружением, можно говорить не ранее середины II тыс. до н. э. Дабы не сложилось ошибочное впечатление о явно выраженном «степном облике» последних насельников Гонура, как это, например, имеет место при описании якобы многочисленных фрагментов степной керамики в верхних слоях этого памятника, которые на самом деле представлены там всего пятью(!) экземплярами, напомним еще раз, что население, погребенное в руинах, ближе всего по своим антропологическим характеристикам к Хараппе R37, иранскому Хасанлу, пакистанской Тимаргархе и туркменскому Кара Деве. Группы, обитавшие в эпоху бронзы в степях Евразии, отличаются от них не менее чем на 1,5 сигмы, а основное их «облако», о котором писалось выше, более чем на 2 сигмы.

Таким образом, анализ уникальных антропологических материалов, полученных, благодаря раскопкам Маргианской археологической экспедиции под руководством В. И. Сарияниди на Гонур Деве, позволяет уверенно утверждать, что базовым компонентом населения Маргианы является неолитическое земледельческое население, проживавшее в более южных и юго-западных по отношению к древней дельте р. Мургаб районах, в том числе и в северных предгорьях Копетдага. Учитывая наличие сближения обеих частей гонурской серии (некрополь и «руины») с памятниками цивилизации долины р. Инд, с

одной стороны, и с другой, – с группами, жившими к югу от Копетдага, можно говорить о том, что, кроме торговых и культурных связей между этими регионами, имели место и, по всей видимости, волнообразные перемещения населения.

Впоследствии, в раннежелезный век, в средневековье, в новое время все большее значение в сложении населения приобретают миграции из северо-восточных регионов. В результате ее по направлению с северо-востока на юго-запад территории Туркменистана, с юга на север вдоль побережья Каспия и течения Амударьи усиливается выраженность монголоидной примеси. Складывается та мозаичная картина антропологического покрова, которая свойственна современному населению. Осознавая свою общность как единого народа, в антропологическом отношении туркмены достаточно разнообразны. Одни их территориальные группы в большей степени сохраняют облик того населения, которое жило на этой территории еще шесть-семь тысячелетий назад; другие – особенности тех групп, которые пришли сюда в эпоху бронзы; третьи демонстрируют нам черты народов, родиной которых Туркменистан стал в средние века. Туркменские группы, живущие не одно столетие среди таджиков, афганцев, узбеков, татар, ногайцев, посредством брачных связей получают некоторые сходные с ними черты, сохраняя, однако, общий для всех туркмен древнейший антропологический компонент. Важно еще раз подчеркнуть, что основы этого разнообразия внешнего облика уже достаточно хорошо проявились в населении Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. Главное его отличие от современных групп заключается в полном отсутствии монголоидных особенностей.

Литература

- Аванесова Н. А., Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // Вестник археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск, 2010.
- Алексеев В. П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Труды Ташкентского университета. Вып. 235. Ташкент, 1964.
- Алексеев В. П. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. М., 1974.
- Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974а.
- Бабаков О. Антропологический состав туркменского народа в связи с проблемой этногенеза. Ашхабад, 1977.
- Бабаков О. Антропологическая характеристика средневекового населения Северо-Западной Туркмении // Материалы сессии по итогам полевых исследований 1974–1975 гг. Душанбе, 1976.
- Бабаков О. Антропологическая характеристика Туркмении в эпоху позднего средневековья, по материалам Чакан-Депе // Проблемы современной антропологии. Минск, 1983.
- Бабаков О., Дубова Н. А. Антропологические особенности туркмен Астраханской области // Известия АН ТССР. № 6. 1989.
- Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сариниди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105–132 (на рус. яз.); с. 219–240 (на англ. яз.).
- Бунак В. В. *Crania armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии. Труды Антропологического НИИ при 1 МГУ. Вып. II. М., 1927.
- Гельдыева Г. Краниологический материал Северо-Западной Туркмении // Известия АН ТССР. Сер. Обществ. Наук. 1986. № 6.
- Гинзбург В. В. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии. № 120. М., 1962.

- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. 371 с.
- Громов А. В. Население Юго-Западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 151–160.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования узбеков, туркменов, хазара, таджиков, персов и белуджей. Вып. 6. М., 1968.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Афганистане // Новые данные к антропологии Северной Индии. М., 1980. С. 241–308.
- Дебец Г. Ф. Некоторые итоги четырех сезонов антропологических исследований во всех провинциях Афганистана // Вестник антропологии. Вып. 2. М., 1996.
- Дубова Н. А. Антропологический состав таджиков Северного Таджикистана. Канд. дисс. М., МГУ, 1978.
- Дубова Н. А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы // СЭ. 1978а. № 4.
- Дубова Н. А. Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона // Деп. ВИНТИ № 6944 В. М., 1985.
- Дубова Н. А. Антропологические особенности туркмен и древнее население степей Средней Азии // Традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С. 183–194, вкладка-табл.
- Дубова Н. А. Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. М., 1996.
- Дубова Н. А. Еще раз о тысячелетней давности долихоцефалии туркмен // Мирас (Ашхабад). 2004. № 4. С. 78–85.
- Дубова Н. А. Обычай кольцевой деформации головы: новые данные о его бытовании в южных районах Средней Азии в эпоху бронзы // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы, 23–24 сентября 2004 г. Алматы, 2004а. С. 295–297.
- Дубова Н. А. Искусственная деформация головы у земледельцев эпохи бронзы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии \ Отв. ред. Медникова М. Б. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 22–36.
- Дубова Н. А. Антропология Гонур-Депе: так есть ли степной компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция. Баранул. 2008. С. 201–205.
- Дубова Н. А., Бабаков О. Туркмены Астраханской области (Антропологический очерк) // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В. П. Алексеева. М., 2003. С. 346–352.
- Дубова Н. А., Рыкушина Г. В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. Труды Третьих Антропологических чтений к 75-летию со дня рождения академика В. П. Алексеева. М., 2007. С. 309–319.
- Дунаевская Т. Н. Влияние искусственной деформации на форму головы у туркмен // ВА. Вып. 15. 1963.
- Жданко Т. А. Каракалпаки (основные проблемы этнической истории и этнографии). М., 1964.
- Зезенкова В. Я. К вопросу об антропологическом типе туркмен Самаркандской и Бухарской области // Бюллетень АН УзССР. 1945. № 4.
- Кияткина Т. П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987. 121 с.
- Левин М. Г. Деформация головы у туркмен // СЭ. VI–VII. 1947.
- Наджимов К. Антропологический состав населения Сурхандарьинской области // Труды САГУ. Нов. сер. Кн. 35. Ташкент, 1958.
- Ниязклычев К. Туркмены-човдуры (к вопросу консолидации туркменской нации). Автореф. канд. дис. М., 1968.
- Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования скифо-сарматского происхождения туркменского народа // Известия Средазкомстариса. Вып. 1. Ташкент, 1926.
- Ошанин Л. В. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен // Известия Средазкомстариса. Вып. 4. Ташкент, 1928.
- Пестряков А. П. О проблеме долихоцефалии туркмен. Дипломная работа. каф. антропологии МГУ. М., 1964. Рукопись. Архив каф. антропологии МГУ.

- Пестряков А. П.* Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // СЭ. 1975. № 1.
- Пестряков А. П.* Антропологическое изучение юго-востока Средней Азии. Автореф. канд. дис. М., 1980.
- Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте р. Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарианиди В. И.* Гонур. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.
- Сарианиди В. И.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.
- Тур С. С.* К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы. // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1998.
- Туркмены в Среднеазиатском междуречье.* Историко-антропологические очерки. Ашхабад, 1989.
- Ходжайов Т. К.* О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Нукус, 1966. № 4.
- Ходжайов Т. К.* Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. докт. дис. М., 1981.
- Ходжайов Т. К.* Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии: неолит – начало XX в. // СЭ. 1983. № 3.
- Ходжайов Т. К.* Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 2. \ Ред. Г. В. Рыкушина, Н. А. Дубова. М., 2000. С. 22–45.
- Ходжайов Т. К.* Новые антропологические материалы эпох неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. Вып. 11. М., 2004. С. 87–101.
- Ходжайов Т. К.* География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии \ Отв. ред. Медникова М. Б. М., 2006. Вып. 5. С. 12–21.
- Яблонский Л. Т.* Древнейшее население южного Приаралья // Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. М., 1986. С. 79–122.
- Яблонский Л. Т.* Саки Южного Приаралья. М., 1996.
- Яблонский Л. Т.* Череп человека из Кангуртгута // Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004. С. 275–285.
- Ярхо А. И.* Антропологический состав турецких народностей Средней Азии // АЖ. 1933. № 3.
- Cappieri M.* Die asiatische Proto-Mediterranen // Ethnographisch-Archaeol. Zeitschrift. 1961. N 2, 95–11.
- Cappieri M.* The Iranians of the Copper Bronze Ages. Florida, 1973.
- Dubova N. A., Rykushina G. V.* New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, 2007. P. 296–329.
- Field H.* Ancient and modern men in Southwestern Asia. Vol. 1. Florida, 1956; vol. 2. Coral Gables, 1961.
- Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, 2007. 339 p.
- Schwidetzki I.* Turaniden Studien. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abh. der Mathematisch-Naturwissenschaftliche Klasse. № 9. Weisbaden, 1950.
- Vallois H.* Les ossements humains de Sialk // Girshman R. Fouilles de Sialk pres de Kashan. T. 2. Paris, 1939.